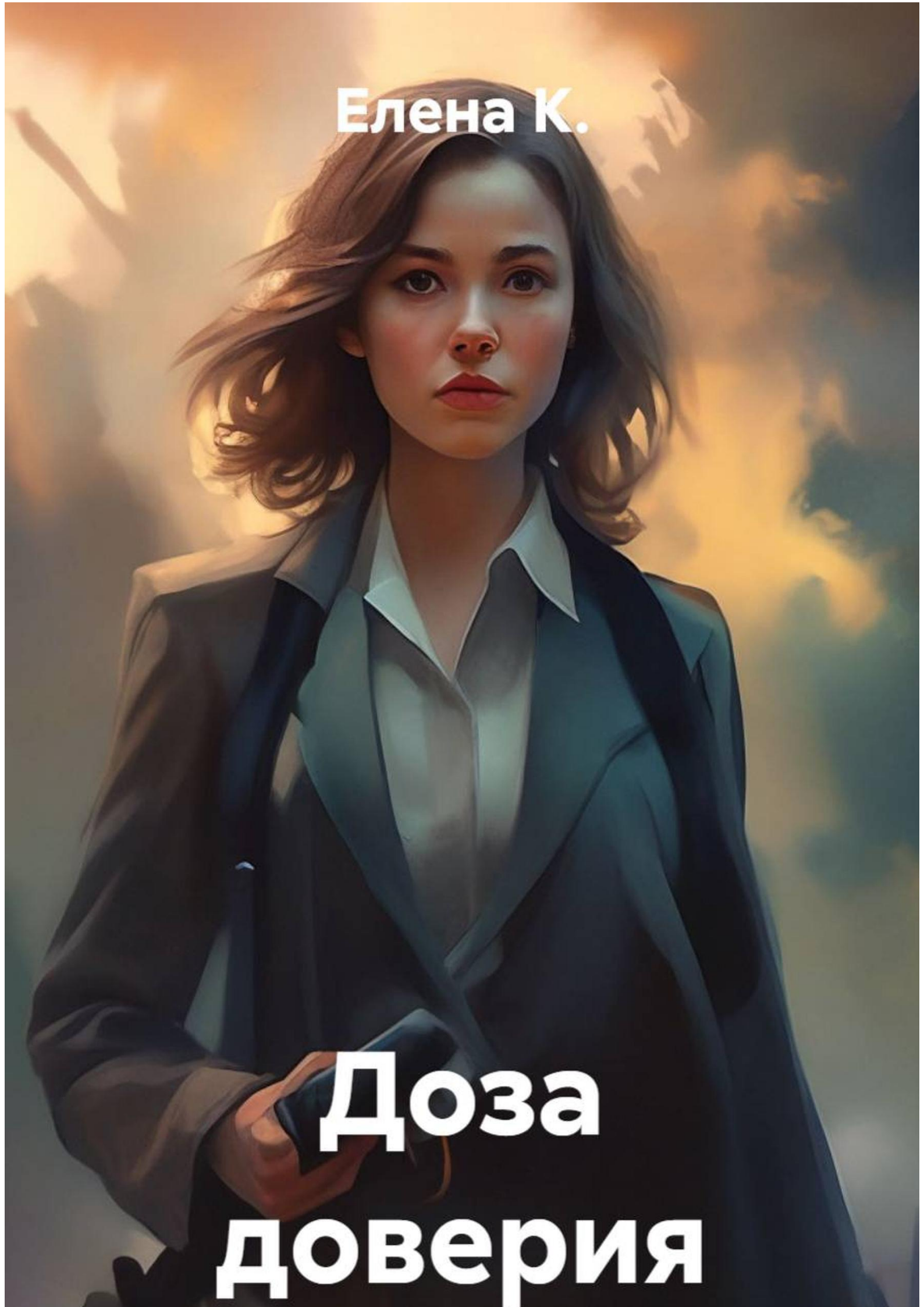

Елена К.

**Доза
доверия**

Елена К.

Доза доверия

«Автор»

2026

К. Е.

Доза доверия / Е. К. — «Автор», 2026

Ищете детектив, от которого хочется улыбаться? Встречайте Майю — детектива, для которой каждое дело начинается с чашки кофе и заканчивается пониманием чужой боли. Вместе с ироничным напарником Семёновым она раскрывает самые абсурдные преступления города: от кражи эклеров до похищения робота бариста. Здесь улики пахнут кленовым сиропом, свидетели — попугаи, а мотивы прячутся не в жадности, а в одиночестве и мечтах быть замеченным. С живыми диалогами, юмором и тёплой интонацией эти истории доказывают: справедливость — это не только протокол, но и шанс на новый старт. Идеальный выбор для тех, кто любит детективы с душой, где даже нелепое преступление становится поводом для маленького чуда. Откройте этот цикл — и пусть город Майи станет вашим любимым местом, где абсурд оборачивается добротой, а каждое расследование напоминает: главное — услышать человека.

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава о совпадениях	5
Глава 1. «Такой случай невозможен»	6
Глава 2 (альтернативный ракурс). «Смотреть и молчать»	9
Глава 3. «Чужая правда»	13
Глава 4. «Цифры, которые кричат»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Доза доверия

Глава о совпадениях

Внимание: официальная оговорка (утверждена Майей, завизирована Семёновым, проверена Кешей на предмет арахисовой справедливости):

Все совпадения — чистая случайность. Абсолютно. На уровне «это даже в гороскопе не предсказывали».

А названия всех организаций — от пафосной галереи «Горизонт» до уютной «Пены дней», от строгой библиотеки имени Крупской до безупречно честной больницы 7 — исключительно фантазия автора. Никаких реальных прототипов, никаких тайных намёков на любимые места. Ну, разве что чуть-чуть... но это тоже случайность.))))

Городская библиотека честно хранит книги и не ведёт подпольных исследований. Больница честно лечит и не прячет улики в картотеках. Кофейни честно варят кофе и не устраивают заговоров с сиропами. А медресурсы заняты самым важным делом — заботой о людях, а не поиском пропавших пончиков.

Так что, если вдруг захотелось зайти в «Пышку» за тем самым флэт уайтом — придётся придумать её заново в своём городе. Или просто сварить дома: тоже вариант.

(Арахис для Кеши всё ещё наготове. Он, кстати, не верит ни в какие оговорки. Он верит только в арахис.)))))

Глава 1. «Такой случай невозможен»

Кабинет следователя Майи Сергеевны Кравцовой пах не кофе, а бюрократией: старыми папками, пылью и лёгкой паникой, которая всегда витает над столами, где сроки горят, а улики нет. На стене висел календарь за прошлый год просто в этом году ей так и не выдали новый.

— Кравцова, ты опять на меня смотришь, как на подозреваемого? — буркнул капитан Игорь Семёнов, заглядывая в щель приоткрытой двери. — Я просто чай принёс. С лимоном. Без яда.

— Спасибо, — Майя Сергеевна взяла стакан, но не отпила. — Просто пытаюсь понять, как человек может одновременно выглядеть виноватым и предлагать чай. Это талант.

Семёнов хмыкнул и присел на край стола, едва не смахнув стопку постановлений.

— Слушай, тут к тебе одна женщина рвётся. Старшая медсестра из городской. Говорит, дело не терпит. И ещё... она сказала: «Передайте Кравцовой, что у нас такого не бывает». Звучит как угроза.

Майя Сергеевна чуть приподняла бровь. Фраза «у нас такого не бывает» в устах медработника — это почти клятва Гиппократов наоборот. Это значит: «Я тридцать лет ставлю капельницы, и если тут что-то пошло не так, я это чую костным мозгом».

— Пусть заходит, — сказала Майя Сергеевна, отодвигая стопку бумаг так, будто это могло освободить место для правды.

Через минуту в кабинет вошла женщина лет шестидесяти, в идеально выглаженном халате, с лицом, на котором было написано: «Я не скандалю, я констатирую». В руках она держала тонкую папку, которую держала так, словно это была бомба с часовым механизмом.

— Меня зовут Лидия Петровна, — голос у неё был низкий, спокойный, но в нём звенела сталь. — Я старшая медсестра хирургического отделения. У нас умер пациент после плановой операции. Официальная версия — анафилактический шок на анестезию. Редкий, но возможный.

Она сделала паузу, и в этой паузе повисло что-то тяжёлое.

— И? — мягко подсказала Майя Сергеевна.

— И у нас такого не бывает, — повторила Лидия Петровна. — У нас анестезиологи трижды проверяют ампулы, делают пробные дозы, у нас даже кошка, если бы забежала в операционную, не умерла бы от передоза. А тут — гладко, чисто, без сучка без задоринки. И запись в журнале учёта препаратов есть, а в электронной системе — нет.

Семёнов, который до этого момента пытался незаметно допить свой чай, поперхнулся.

— То есть... бумажный журнал врёт, а компьютер говорит правду? — уточнил он.

— Или, наоборот, — сухо ответила Лидия Петровна. — Но я вам скажу так: если в моём отделении что-то не сходится, это не ошибка. Это чья-то работа.

Майя Сергеевна посмотрела на папку, потом на Лидию Петровну.

— Вы пришли не жаловаться. Вы пришли попросить посмотреть. И не хотите, чтобы кто-то знал, что вы мне это принесли.

Лидия Петровна чуть кивнула — едва заметно, как человек, который привык скрывать эмоции за маской профессионализма.

— Правильно, — сказала она. — Если это окажется просто сбой системы — хорошо. Если нет... я не хочу, чтобы отделение превратилось в цирк. Но и молчать не буду.

Семёнов почесал затылок.

— Знаешь, Кравцова, — протянул он, — обычно люди приходят с жалобами на шумных соседей или пропажу кошелька. А тут... старшая медсестра, несовпадение журналов, смерть пациента. Это уже не жалоба. Это приглашение на вечеринку, где все в чёрном.

Майя Сергеевна наконец отпила чай. Он оказался неожиданно вкусным — видимо, лимон всё-таки работал.

— Тогда начнём с малого, — сказала она, открывая папку. — Посмотрим на журнал. И на нового анестезиолога, которого все хвалят, но никто толком не знает.

Лидия Петровна слегка расслабила плечи — будто с них сняли невидимый груз.

— Его зовут Дмитрий Андреевич, — сказала она. — Вежливый, улыбчивый, все говорят: «Какой молодец, как быстро вписался». А я вот думаю: хорошие специалисты не вписываются за три дня. Они сначала спотыкаются о наши порядки. А он — ни разу.

В кабинете повисла тишина, в которой отчётливо слышался скрип шестерёнок чьего-то чужого плана.

— Знаете, Лидия Петровна, — тихо сказала Майя Сергеевна, — я тоже не люблю, когда всё слишком гладко. Обычно за этим прячется что-то очень кривое.

И она начала читать.

Больница пахла так, как пахнет любое учреждение, где люди отчаянно стараются держать всё под контролем: хлоркой, спиртом и чуть-чуть — тревогой. Майя Сергеевна шла по коридору, а Лидия Петровна шагала рядом, будто не вела её, а прикрывала тылы.

— Главное, не смотрите на него как на подозреваемого, — тихо сказала Лидия Петровна. — Он это чувствует. У него на подозрение нюх, как у собаки на колбасу.

— Я вообще ни на кого не смотрю, — спокойно ответила Майя Сергеевна. — Я просто хожу и дышу.

— Это вы так думаете. А у вас на лице написано: «Я всё вижу».

Майя чуть улыбнулась. Пожалуй, это даже неплохо. Пусть лучше думают, что она всё видит, чем поймут, что она пока вообще ничего не понимает.

Анестезиологическое отделение оказалось местом, где тишина была громче крика. Здесь не хлопали дверями, не бегали, здесь всё делали размеренно, потому что цена ошибки — чужая жизнь. За стойкой сидела медсестра, которая при виде Лидии Петровны мгновенно выпрямилась, будто её током ударило.

— Дмитрий Андреевич в предоперационной, — быстро сказала она, не глядя на Майю Сергеевну. — Готовится к плановой.

— Мы на минутку, — кивнула Лидия Петровна. — Просто поздороваться.

Предоперационная была маленькой комнатой, где на полках ровными рядами стояли ампулы, коробки и какие-то загадочные устройства с трубками. А посреди этого порядка стоял Дмитрий Андреевич — тот самый «идеальный» анестезиолог. Высокий, подтянутый, с лицом человека, который каждое утро просыпается с улыбкой и сразу делает зарядку. На нём был свежий халат, шапочка сидела ровно, как приклеенная. Он что-то сверял в планшете, потом поднял глаза — и улыбка стала ещё шире.

— Лидия Петровна! — голос у него был тёплый, бархатный, такой, что даже если бы он сказал «сейчас будет больно», ты бы ответил: «Ничего, я потерплю». — Чем обязан?

— Познакомься, — сдержанно сказала Лидия Петровна, — это Майя Сергеевна, следователь. Хочет просто посмотреть, как мы работаем.

Дмитрий Андреевич не моргнул. Ни намёка на то, что эта фраза его задела. Он протянул руку — крепкое, уверенное рукопожатие, без излишнего давления, но и без слабости.

— Очень приятно. Надеюсь, ничего серьёзного? У нас сегодня напряжённый день.

— Пока просто знакомство, — мягко сказала Майя Сергеевна. — Хочу понять, как устроена ваша кухня.

— Кухня — это у хирургов, — снова улыбнулся Дмитрий Андреевич. — У нас — алхимия. Мы берём человека, который дышит и думает, и на время превращаем его в статую. И главное — чтобы он потом снова стал человеком.

— Звучит как магия, — заметила Майя.

— Магия — это когда не знаешь, как работает, — спокойно ответил он. — А у нас наука. И протоколы. И двойная проверка.

Он говорил ровно, без пафоса, но так, что каждое слово ложилось на место, как деталь в идеально собранном механизме. И от этого становилось не по себе. Слишком гладко. Слишком правильно.

— А если вдруг что-то идёт не по плану? — спросила Майя.

— Тогда мы действуем по алгоритму, — тут же ответил он. — Сначала стабилизируем, потом думаем. Но у нас редко бывает «не по плану». Мы стараемся предусмотреть всё заранее.

— Даже то, чего предусмотреть нельзя? — уточнила Майя.

На секунду в его глазах мелькнуло что-то — не раздражение, нет, скорее лёгкое удивление, будто он впервые услышал вопрос, на который нет готового ответа. Но тут же улыбка вернулась.

— Стараемся. Иногда получается. Иногда — нет. Но мы не сдаёмся.

Лидия Петровна кашлянула — едва слышно, но Дмитрий Андреевич сразу перевёл на неё взгляд.

— Вы хотели что-то показать? — спросил он.

— Журнал учёта, — коротко сказала она. — Хочу, чтобы Майя Сергеевна посмотрела, как мы всё фиксируем.

Он чуть приподнял бровь — не высокомерно, просто с интересом.

— Конечно. У нас всё прозрачно. Вот, пожалуйста.

Он протянул бумажный журнал — аккуратный, с чёткими записями, ни одной помарки. Майя открыла его на нужной странице и провела пальцем по строкам. Потом достала распечатку из электронной системы — ту самую, где нужной записи не было.

— Странно, — сказала она, будто сама себе. — Тут есть, а там нет.

Дмитрий Андреевич посмотрел на распечатку, потом на журнал. И снова — ни тени паники, ни попытки спрятать глаза.

— Бывает, — спокойно сказал он. — Иногда данные не синхронизируются. Технический сбой. Или кто-то забыл внести. Я проверю, разберёмся.

— Спасибо, — тихо сказала Майя. — Буду благодарна.

Он снова улыбнулся, но в этот раз улыбка получилась чуть менее безупречной. Будто где-то внутри щёлкнуло что-то, что не должно было щёлкнуть.

— Если будут ещё вопросы — я здесь, — сказал он. — Или можно в перерыве, я обычно пью кофе в ординаторской. Без сахара, с одной ложкой сливок.

Майя кивнула.

— Запомню.

Когда они вышли в коридор, Лидия Петровна выдохнула так, будто только что держала тяжёлую гирю.

— Ну? — спросила она. — Что думаете?

— Думаю, он очень хорошо знает, как надо себя вести, — сказала Майя. — И знает, что от него ждут.

— Это плохо?

— Это подозрительно, — честно ответила Майя. — Когда всё слишком идеально — значит, кто-то очень старается, чтобы так казалось.

Лидия Петровна посмотрела на неё долгим взглядом.

— Значит, вы не отступите.

— Не отступлю, — спокойно сказала Майя. — Пока не пойму, где трещина.

Глава 2 (альтернативный ракурс). «Смотреть и молчать»

Ординатор Кирилл Савин ненавидел запах предоперационной. Не хлорку, не спирт — а этот специфический, почти неуловимый запах «всё под контролем». В нём всегда пряталась ложь. Потому что в медицине ничего не бывает под полным контролем. Всегда есть переменная, которую не учли.

Сегодня эта переменная сидела за стойкой и улыбалась так, будто знала все твои страхи и снисходительно их прощала. Дмитрий Андреевич. Тот самый «идеальный» анестезиолог, о котором все говорили: «Наконец-то нормальный специалист пришёл».

Кирилл как раз заносил данные в электронную систему — рутинная, но обязательная штука. И вдруг заметил то, от чего у него похолодели пальцы. В журнале учёта стояла запись о списании кетамина для пациента из третьей палаты. А в системе этой записи не было. Вообще. Как будто кто-то аккуратно стёр один слой реальности, оставив только бумажный след.

— Савин, ты опять завис? — голос Лидии Петровны прозвучал над ухом, как спасительный гудок парохода в тумане. — Отложи планшет. Помоги лучше с подготовкой к лапароскопии.

Кирилл кивнул, сунул планшет в карман и пошёл за ней, чувствуя, как этот маленький цифровой диссонанс царапает изнутри. Он хотел сказать. Честно хотел. Но слова застревали где-то между горлом и здравым смыслом.

«А если это просто сбой? — шептал ему внутренний голос, который в ординатуре учится быть очень осторожным. — А если ты сейчас поднимешь шум, а окажется, что кто-то просто забыл нажать кнопку? Тебя же потом будут смотреть как на паникера. Или хуже — как на того, кто хочет подставить нового врача, к которому все так хорошо относятся».

В предоперационной Дмитрий Андреевич как раз заканчивал проверку аппаратуры. Его движения были выверенными, как в учебном видео. Ни лишней секунды, ни лишней эмоции.

— Всё готово, — сказал он, не глядя на Кирилла. — Савин, проверь ещё раз дыхательный контур. Двойной контроль — наше всё.

— Уже проверял, — тихо ответил Кирилл.

— Проверь ещё раз, — спокойно, без раздражения, повторил Дмитрий Андреевич. — Лучше потратить лишнюю минуту, чем потом жалеть.

Кирилл наклонился к аппарату, чувствуя, как дрожат пальцы. Он проверял контур, но видел не трубки и клапаны, а ту самую строчку в журнале. Бумажная реальность против цифровой. И он был единственным, кто это заметил. Ну, или почти единственным.

Когда они вышли в коридор, Лидия Петровна вдруг остановилась и посмотрела на него так, что Кирилл чуть не выронил папку с документами.

— Ты что-то видел, — не спросила, а констатировала она. Это была не догадка, а знание человека, который тридцать лет читал ординаторов по глазам.

Кирилл слотнул.

— В журнале... там списание кетамина. А в системе нет, — выпалил он шёпотом, будто стены могли подслушать и донести.

Лидия Петровна не изменилась в лице. Только на секунду прикрыла глаза — так делают люди, когда слышат то, что боялись услышать.

— Никому не говори, — тихо, но жёстко сказала она. — Пока. Я сама разберусь.

— Но... разве это не надо сразу фиксировать? — попытался возразить Кирилл. — Если есть расхождение, мы обязаны...

— Мы обязаны не устраивать панику там, где ещё не разобрались, — отрезала она, но тут же чуть смягчила тон. — Ты молодец, что заметил. Это важно. Но сейчас главное — не спугнуть. Понял?

Он кивнул, хотя внутри всё кричало: «Это неправильно! Надо сказать!»

А потом в отделение вошла она — следовательница. Высокая, спокойная, с лицом, которое не обещало ни добра, ни зла, а просто ждало фактов. Рядом с ней Лидия Петровна выглядела как скала, готовая прикрыть своим плечом.

Кирилл замер у стойки, стараясь стать невидимым. Он видел, как Дмитрий Андреевич встретил их своей фирменной улыбкой — тёплой, располагающей, такой, что хотелось поверить: «Ну правда, это просто технический сбой, ничего страшного».

— Журнал учёта, — сказала Лидия Петровна. — Пусть посмотрит.

Дмитрий Андреевич протянул журнал с той же безупречной невозмутимостью. Следовательница открыла его, провела пальцем по строчкам, достала распечатку. И в этот момент Кирилл физически почувствовал, как воздух в комнате стал тяжелее.

— Странно, — произнесла следовательница, будто сама себе. — Тут есть, а там нет.

Дмитрий Андреевич чуть приподнял бровь.

— Бывает, — спокойно сказал он. — Технический сбой. Я проверю.

Следовательница кивнула. А потом посмотрела прямо на Кирилла — не пристально, не обвиняюще, а как будто просто заметила, что он здесь. И в этом взгляде не было ни осуждения, ни давления. Просто: «Я знаю, что ты видишь».

Кирилл опустил глаза, ему стало чуть легче. Будто кто-то наконец признал: да, тут что-то не так. И ты не сумасшедший, что это заметил.

Когда они ушли, Дмитрий Андреевич задержался у стойки.

— Савин, — позвал он. — Ты в порядке? Вид у тебя какой-то... напряжённый.

— Всё нормально, — выдавил Кирилл.

— Если что-то беспокоит — скажи, — снова эта улыбка. — Мы тут одна команда. Мы друг друга прикрываем.

«Прикрываем», — эхом отозвалось в голове Кирилла. Вот только вопрос: прикрываем ошибки... или друг друга?

Утро в следственном отделе пахло не кофе, а срочностью: кто-то громко стучал по клавиатуре, кто-то кричал в трубку «мне вчера обещали скан!», а на доске с делами висели фотографии, соединённые нитками так плотно, что она напоминала нервный узел. Майя Сергеевна Кравцова сидела за своим столом, перед ней лежали две распiski, два журнала и одна распечатка, которая никак не хотела становиться уликой.

— Ты опять смотришь на эти бумажки, как будто они тебе подмигнут, — хмыкнул Игорь Семёнов, появляясь с двумя стаканами. — Держи. На этот раз без лимона. Потому что лимон у нас закончился.

Майя взяла стакан, не отрывая взгляда от строки в бумажном журнале: «Кетамин, 200 мг, списано на пациента 314». Рядом — аккуратная подпись, разборчивая, почти каллиграфическая. А в распечатке из электронной системы этой строки не было. Вообще. Как будто кто-то аккуратно вырезал её из реальности, оставив только бумажный след.

— Знаешь, что самое неприятное в этой истории? — тихо сказала Майя. — Не то, что данные не совпадают. А то, что все вокруг делают вид, что это нормально. «Бывает», «сбой», «кто-то забыл». И улыбаются при этом так искренне, будто сами верят.

Семёнов присел на край стола, осторожно, чтобы не свалить стопку постановлений.

— А может, и правда сбой? — осторожно предположил он. — Ну, техника. У нас вон принтер три дня думал, прежде чем выдать ордер. Может, у них сервер тоже философствует?

— Может, — согласилась Майя. — Но тогда почему Лидия Петровна пришла ко мне? Почему она не пошла к заведующему? Потому что она знает: если это сбой — его исправят за пять минут. А если нет... тогда лучше иметь свидетеля, который не работает в этой больнице.

Семёнов почесал затылок.

— То есть ты думаешь, что кто-то специально делает так, чтобы бумажная реальность отличалась от цифровой?

— Я думаю, — спокойно ответила Майя, — что кто-то очень старается, чтобы всё выглядело идеально. А когда всё слишком идеально — значит, кто-то очень старается.

В этот момент дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова молодого парня в мятом халате. Это был Кирилл Савин, тот самый ординатор, которого Майя мельком заметила вчера в отделении. Он выглядел так, будто всю ночь учил латынь, а потом его заставили сдавать экзамен по квантовой физике.

— Можно? — прошептал он, хотя в кабинете шумели так, что шёпот был почти бесполезен.

— Заходи, — кивнула Майя, отодвигая стопку бумаг. — Ты ведь Кирилл? Ординатор из хирургии?

Он кивнул, сжимая в руках папку так, будто она могла его защитить.

— Я... я вчера видел, как вы смотрели на журнал, — начал он, запнувшись на каждом слове. — И я... я хотел сказать... я тоже заметил это расхождение. Ещё до вас. Но мне сказали молчать.

Майя чуть приподняла бровь, но не стала давить.

— Кто сказал?

— Лидия Петровна, — быстро ответил Кирилл. — Но не чтобы скрыть. Она сказала: «Не поднимай панику, пока не разберёмся». А я... я не знаю, как разбираться. Я просто вижу, что что-то не так. И мне страшно.

Семёнов переглянулся с Майей — в этом взгляде было всё: и сочувствие к парню, и понимание, что он может стать тем самым звеном, которое всё соединит.

— Страх — это нормально, — спокойно сказала Майя. — Особенно когда ты понимаешь, что система, в которой ты работаешь, вдруг начинает казаться не такой надёжной. Но знаешь, что важнее страха? Факт. Давай просто зафиксируем то, что ты видел. Без обвинений. Просто как наблюдение.

Кирилл выдохнул, будто с него сняли невидимый груз.

— Хорошо, — прошептал он. — Я могу рассказать всё по порядку.

И он начал рассказывать: про то, как заносил данные в систему и вдруг увидел, что запись в журнале не отражена в базе; про то, как хотел сразу сообщить, но Лидия Петровна остановила его; про улыбку Дмитрия Андреевича, которая казалась слишком безупречной; про ощущение, что в отделении все знают что-то, чего не говорят вслух.

Когда он закончил, в кабинете повисла тишина — та самая, в которой слышно, как крутятся шестерёнки чужого плана.

— Спасибо, — тихо сказала Майя. — Это очень важно. И ты поступил правильно, что пришёл.

Кирилл чуть расслабил плечи, но в глазах всё ещё читался страх — не за себя, а за то, что он мог ошибиться.

— А что теперь? — спросил он.

— Теперь мы проверим, — ответила Майя. — Легально, по всем правилам. Запросим доступ к системе, посмотрим логи, сравним даты и время внесения записей. И если окажется, что кто-то намеренно скрывает расхождения — у нас будут доказательства.

Семёнов кивнул.

— Я помогу с запросами, — сказал он. — У меня есть знакомый в IT-отделе больницы. Правда, он считает, что все следователи — это люди, которые приходят к нему с фразой «ну просто нажми кнопку». Но я его уговорю.

Кирилл слабо улыбнулся — впервые за весь разговор.

— А можно... можно я буду как-то помогать? Не официально, конечно. Просто... я там бываю каждый день. Я могу замечать мелочи.

Майя посмотрела на него внимательно, без снисхождения, но с уважением.

— Можешь, — сказала она. — Но с одним условием: если почувствуешь, что ситуация становится опасной — сразу сообщай мне. Никаких геройств. В медицине и так хватает рисков, не нужно добавлять к ним ещё и уголовные.

Он снова кивнул, на этот раз твёрже.

— Договорились.

Когда Кирилл ушёл, Семёнов откинулся на стуле и вздохнул.

— Знаешь, — протянул он, — иногда самые важные улики приходят не в виде окровавленного ножа, а в виде дрожащих рук ординатора, который просто не хочет верить, что его мир вдруг стал кривым.

Майя улыбнулась — чуть-чуть, так, что улыбка почти не была заметна.

— Именно поэтому мы и работаем, — сказала она. — Чтобы помочь тем, кто видит кривое, не сойти с ума от того, что все вокруг говорят: «Да нет, всё ровно».

Она взяла ручку и сделала первую официальную запись: «Показания свидетеля (ординатор Савин К.В.) о расхождении данных в бумажном и электронном учёте препаратов в отделении анестезиологии». Потом добавила внизу приписку: «Проверить логи системы, запросить доступ к журналу событий, установить дату и время внесения/удаления записи».

Семёнов посмотрел на неё с уважением.

— И что дальше?

— Дальше, — спокойно ответила Майя, — мы идём в больницу. Не как следователи, которые пришли с ордером и наручниками. А как люди, которые просто хотят разобраться. И посмотрим, как изменится эта безупречная улыбка Дмитрия Андреевича, когда мы попросим показать нам логи системы.

Глава 3. «Чужая правда»

Для Лидии Петровны утро всегда начиналось не с кофе, а с обхода. Не торжественного, как у заведующих, а тихого, почти незаметного: проверить, кто сегодня бледный, кто слишком бодрый, кто прячет глаза, а кто, наоборот, слишком старается их не прятать. За тридцать лет она научилась читать отделение по мелочам: по тому, как звенит лоток с инструментами, по тому, сколько секунд медсестра задерживает взгляд на журнале, по тому, как кто-то слишком старательно не смотрит в твою сторону.

Сегодня коридор пах не просто больницей — он пах тревогой. Тонкой, едва уловимой, но знакомой Лидии Петровне до мурашек. Такой запах бывает, когда все делают вид, что всё в порядке, но каждый второй чуть быстрее закрывает шкафчик, чуть резче отвечает, чуть сильнее старается быть «как всегда».

— Лидия Петровна, вы сегодня какая-то... строгая, — тихо сказала Наташа, молодая медсестра, когда они встретились у поста. — Или мне кажется?

— Тебе не кажется, — спокойно ответила Лидия Петровна. — Просто я сегодня не в настроении притворяться, что не вижу того, что вижу.

Наташа тут же опустила глаза и начала нервно перекладывать папки.

— Вы про... ну... про журнал? — прошептала она. — Я ничего не трогала, честно. Просто внесла, как сказали...

Лидия Петровна положила руку ей на плечо — не строго, а чтобы удержать, не дать сбежать в панику.

— Никто тебя ни в чём не обвиняет, Наташа. Просто скажи: кто сказал внести?

— Дмитрий Андреевич, — выдохнула Наташа. — Он сказал: «Внеси сейчас, а в систему потом, там опять висит». Я и внесла. А потом хотела — а система уже не давала. Блокировка какая-то. Я думала, это у меня права слетели...

Лидия Петровна кивнула. Она не злилась. Злиться было некогда. Но внутри что-то щёлкнуло — как замок, который наконец-то поддался после долгих попыток. Теперь у неё была не просто догадка, а цепочка: приказ — запись — блокировка. И человек, который всё это организовал, улыбался так, будто делал всем одолжение.

В этот момент из ординаторской вышел сам Дмитрий Андреевич. В халате, с планшетом, с той самой улыбкой — тёплой, располагающей, как у человека, который точно знает, что он тут главный и всё под контролем.

— Доброе утро, Лидия Петровна! — бодро сказал он. — Как настроение? Сегодня у нас насыщенный день: три плановые, одна экстренная. Но мы справимся, да?

— Справимся, — сухо ответила она. — Только сначала разберёмся с журналом.

Он чуть приподнял бровь — не испуганно, а скорее с лёгким удивлением, как будто не ожидал, что кто-то будет настаивать на формальностях.

— А что с журналом? — спокойно спросил он. — Всё же в порядке. Я лично проверил.

— В бумажном — да, — сказала Лидия Петровна, глядя ему прямо в глаза. — А в системе — нет. И Наташа говорит, что ты велел внести сначала на бумагу, а потом в систему. А система не дала.

Дмитрий Андреевич на секунду замер. Всего на секунду — но этого хватило, чтобы Лидия Петровна поняла: он не ожидал, что кто-то свяжет эти два факта.

— Ах, это, — сказал он, будто вспомнил что-то незначительное. — Да, там был сбой. Я хотел, чтобы запись не потерялась. Лучше пусть будет на бумаге, чем нигде.

— Лучше пусть будет везде, — жёстко сказала Лидия Петровна. — Или нигде. У нас не склад, Дмитрий Андреевич. У нас жизнь на кону.

Он слегка улыбнулся, но улыбка вышла натянутой — как резинка, которую слишком сильно потянули.

— Ты слишком серьёзно к этому относишься, Лидия Петровна, — мягко сказал он. — Мы же команда. Мы друг друга прикрываем.

— Мы друг друга страхуем, — поправила она. — А не прикрываем ошибки.

В этот момент мимо прошёл Кирилл Савин. Он шёл быстро, почти бегом, и старался не смотреть ни на Лидию Петровну, ни на Дмитрия Андреевича. Но Лидия Петровна успела поймать его взгляд — в нём было столько напряжения, что казалось, он вот-вот лопнет.

— Савин! — окликнула она. — На минуту.

Кирилл замер, как кролик перед фарами.

— Да, Лидия Петровна?

— Ты вчера видел, как я с журналом разбиралась?

Он кивнул, сжав папку так, что побелели костяшки.

— И ты знаешь, что запись в системе не появилась.

Снова кивок.

— Скажи это вслух, — тихо, но твёрдо сказала она. — Не мне. Ему.

Кирилл посмотрел на Дмитрия Андреевича — и в его глазах мелькнул настоящий страх.

— Я... я не могу, — прошептал он. — Меня же потом...

— Тебя потом будут уважать, — так же тихо сказала Лидия Петровна. — За то, что ты не стал делать вид, что не видишь.

Дмитрий Андреевич слегка нахмурился — впервые за всё время он выглядел не безупречным, а... раздражённым.

— Знаете, — сказал он чуть резче, чем раньше, — у нас тут операция через сорок минут. Может, мы оставим эти разбирательства на потом?

— Нет, — спокойно сказала Лидия Петровна. — Потому что «потом» у нас всегда не находится времени. А «сейчас» — единственное, что у нас есть.

В коридоре повисла тишина — такая, в которой слышно, как тикают часы на стене и как кто-то нервно дышит.

— Ладно, — наконец сказал Дмитрий Андреевич, уже без улыбки. — Давайте разберёмся. Я запрошу логи, посмотрю, что там с системой. Но прошу: не поднимайте панику. У нас сегодня сложная операция.

Лидия Петровна кивнула.

— Хорошо. Разбираемся. Без паники. Но и без прикрас.

Когда он ушёл, она повернулась к Кириллу.

— Ты молодец, — тихо сказала она. — Страшно — это нормально. Главное — не дать страху заставить тебя молчать.

Кирилл сглотнул.

— А если... если он прав? Если это просто сбой?

— Тогда мы это докажем, — спокойно ответила она. — И будем спать спокойно. А если нет... тогда мы хотя бы попытались.

Она посмотрела вслед Дмитрию Андреевичу — он уже скрылся за дверью предоперационной, снова стал тем самым «идеальным» врачом, о котором все говорили: «Наконец-то нормальный специалист пришёл». Но теперь Лидия Петровна видела в нём не совершенство, а тщательно выстроенную иллюзию. И она знала: иллюзии рушатся от одного-единственного вопроса, заданного вслух.

А вопрос уже был задан. Оставалось дожидаться ответа.

Кабинет заведующего отделением Бориса Ильича пах не больницей, а старой мебелью и тревожным компромиссом — так пахнет место, где годами закрывают глаза на мелочи, чтобы

не рухнуло главное. На столе — стопки бумаг, на стене — грамоты, а в воздухе висит негласное правило: «Мы не выносим сор из избы, потому что из этого сора и состоит наша работа».

Лидия Петровна постучала и вошла, не дожидаясь приглашения. Она знала: если ждать, пока Борис Ильич соберётся с мыслями, можно простоять в коридоре до пенсии.

— А, Лидия Петровна, — он поднял усталые глаза, в которых читалось сразу всё: и уважение, и просьба «только без драм». — Присаживайся. Чай? Кофе? У меня есть растворимый, но я его не боюсь.

— Спасибо, не надо, — Лидия Петровна села прямо, не откидываясь на спинку стула. Так садятся люди, которые пришли не просить, а говорить. — У нас проблема. И она не рассосётся, если налить чаю.

Борис Ильич вздохнул — не раздражённо, а так, будто этот вздох был у него заготовлен на все тяжёлые разговоры.

— Опять журнал? — спросил он, не глядя на неё. — Я слышал, ты с этим анестезиологом спорила в коридоре. Народ шепчется.

— Не спорила, — спокойно поправила Лидия Петровна. — Спрашивала. И знаешь, что самое неприятное? Он не спорил. Он соглашался. «Да, разберёмся», «да, проверю». И улыбался. А у меня от этой улыбки мурашки по спине.

Борис Ильич наконец посмотрел на неё — прямо, без отговорок.

— Ты хочешь сказать, что он что-то скрывает?

— Я хочу сказать, что у нас в отделении бумажная реальность не совпадает с цифровой, — твёрдо ответила она. — И это не сбой. Это система. Кто-то специально делает так, чтобы следы оставались только на бумаге.

Он поморщился, будто от зубной боли.

— Лида, ты понимаешь, что ты говоришь? Если мы поднимем шум, сюда придут проверяющие. Не для того, чтобы помочь, а чтобы найти, кого наказать. И накажут не того, кто придумал схему, а того, кто первый открыл рот. То есть тебя. Или меня. Или Наташу, которая просто внесла запись, потому что ей велели.

— Я понимаю, — тихо, но твёрдо сказала Лидия Петровна. — Но я понимаю и другое: если мы промолчим, а потом выяснится, что из-за этой схемы умер пациент — я не смогу смотреть в глаза его родственникам. И своим детям не смогу объяснить, почему я сделала вид, что ничего не вижу.

Борис Ильич откинулся на стуле и провёл ладонью по лицу — жест человека, который устал держать всё под контролем.

— Ты всегда была неудобной, — пробормотал он почти с нежностью. — С первого дня: «А это по протоколу?», «А почему тут пометка?», «А кто подписал?». И ведь не скандалила. Просто не позволяла делать вид, что всё нормально, когда нормально не было.

— Зато отделение держалось, — спокойно ответила она. — Потому что мы не прикрывали ошибки. Мы их исправляли.

— А теперь ты хочешь всё сломать, — горько усмехнулся он. — Из-за одного расхождения.

— Из-за одной лжи, — поправила она. — Если это ложь. Если нет — пусть докажут. Пусть покажут логи, пусть объяснят, почему запись есть на бумаге и нет в системе. Пусть Дмитрий Андреевич сам принесёт распечатку и скажет: «Вот, смотрите, это был сбой, вот время, вот причина». Если он чист — ему нечего бояться.

В кабинете повисла тишина, в которой слышно было, как тикают часы на полке и как где-то в коридоре звякнула тележка с лекарствами.

— Знаешь, что меня пугает больше всего? — вдруг тихо сказал Борис Ильич. — Не то, что он может быть виноват. А то, что я... я почти рад, что это не я должен принимать решение. Что это ты пришла и поставила вопрос ребром. Потому что я бы промолчал. Я бы сказал:

«Давай подождём», «Давай посмотрим», «Не будем торопиться». И в итоге мы бы просто сделали вид, что ничего не было.

Лидия Петровна чуть наклонила голову — не в поклоне, а в признательности за честность.

— Значит, ты не просишь меня молчать, — сказала она.

— Я прошу тебя... — он запнулся, подбирая слова, — быть готовой. К тому, что будет шумно. К тому, что люди начнут прятать глаза. К тому, что кто-то скажет: «Ты предала коллектив».

— Я не предаю, — спокойно сказала она. — Я защищаю. Только не репутацию отделения, а его суть. Мы спасаем жизни. А если ради репутации мы начинаем закрывать глаза на несовпадения — мы уже не спасаем. Мы просто делаем вид.

Борис Ильич помолчал, потом достал из ящика папку и протянул ей.

— Вот, — сказал он. — Это внутренние отчёты за последние три месяца. Там есть несколько жалоб от медсестёр — мелкие, вроде «не хватает расходников», «путаница в маркировке». Я списывал на текучку. Но если ты права... если это часть схемы... возьми. И покажи следователю. Только... сделай это так, чтобы не утопить тех, кто просто пытался работать в этих условиях.

Лидия Петровна взяла папку, чувствуя, как в пальцах дрожит не страх, а ответственность.

— Сделаю, — пообещала она. — Никому не скажу, что это от тебя. Пусть думают, что я сама нашла.

— Нет, — вдруг твёрдо сказал он. — Не надо. Если начнётся разбор, я не буду прятаться за твоей спиной. Я скажу: «Это я передал документы». Потому что, если мы хотим, чтобы отделение оставалось местом, где спасают жизни, мы должны быть готовы отвечать за свои решения. Даже за те, которые страшно принимать.

Она кивнула. В этом «я скажу» было больше мужества, чем в любой громкой речи.

— Тогда давай сделаем это правильно, — сказала Лидия Петровна. — Официально. Я пойду к следователю и всё расскажу. А ты подготовь коллектив к тому, что будут вопросы. Не для того, чтобы напугать, а чтобы люди знали: скрывать нечего, если ты чист.

Борис Ильич слабо улыбнулся — впервые за весь разговор.

— Знаешь, — пробормотал он, — иногда мне кажется, что мы тут не пациентов лечим, а друг друга держим на плаву. И ты всегда была тем, кто не давал нам утонуть. Даже когда это было неудобно.

— Неудобно — это когда приходится врать, — спокойно ответила Лидия Петровна. — А говорить правду — просто тяжело. Но можно.

Она встала, прижимая папку к груди, как щит и как крест одновременно.

— Я пойду, — сказала она. — И спасибо тебе. За то, что не стал уговаривать меня закрыть глаза.

Когда дверь за ней закрылась, Борис Ильич ещё долго сидел, глядя на пустую чашку на столе. Потом достал телефон и набрал номер кадровика.

— Слушай, — сказал он устало, — найди мне все документы на Дмитрия Андреевича. Всё: дипломы, сертификаты, рекомендации. Особенно ту клинику, что лишилась лицензии. И сделай это тихо. Никому ни слова.

В следственном отделе было шумно, как всегда: трещали принтеры, звонили телефоны, а в углу кто-то настойчиво убеждал кого-то «просто подписать вот тут, это чистая формальность». Но когда в приёмную вошла Лидия Петровна — прямая, с аккуратной папкой в руках, в идеально выглаженном халате, — шум будто сам собой стал тише. Будто даже бюрократия понимала: сейчас не время для суеты.

Майя Сергеевна ждала её у своего стола. Она знала: такие папки не приносят просто так. В них всегда лежит не бумага, а чья-то решимость.

— Проходите, Лидия Петровна, — спокойно сказала Майя, отодвигая стопку постановлений. — Присаживайтесь. Или... если хотите, можем сразу к делу. Я понимаю, что сидеть и пить чай сейчас — это роскошь, которую вы себе позволить не можете.

Лидия Петровна села, но не расслабилась. Она держала папку на коленях, как что-то очень хрупкое и очень тяжёлое одновременно.

— Чай не надо, — твёрдо сказала она. — Я пришла не пить. Я пришла отдать.

Она протянула папку. Майя взяла её осторожно, будто боялась, что от резкого движения из неё посыплются не листы, а чьи-то судьбы.

— Это внутренние отчёты за последние три месяца, — сказала Лидия Петровна. — Там жалобы. Мелкие, как все говорили. «Не хватает расходников», «путаница в маркировке», «кто-то перепутал партии». Я сама на них смотрела и думала: текучка, человеческий фактор. А теперь... теперь я вижу цепочку.

Майя открыла папку. Внутри лежали копии служебных записок, сканы журналов, распечатки электронных уведомлений — всё аккуратно, с датами, подписями, пометками на полях. И главное — всё это было написано не для следствия, а для своих. Для того, чтобы просто зафиксировать: «что-то идёт не так».

Рядом тут же материализовался Игорь Семёнов. Он не подглядывал, нет — он просто знал, когда нужно быть рядом. В руках у него был блокнот и взгляд человека, который привык, что самые важные улики приходят не в целлофановых пакетах, а вот так — в папках, принесённых теми, кому не всё равно.

— Лидия Петровна, — мягко сказал он, — вы понимаете, что эти документы могут стать основанием для проверки? И что вопросы будут задавать не только вам, но и всему отделению?

— Понимаю, — коротко ответила она. — Но я не могу больше делать вид, что не вижу. Если это ошибка — пусть её исправят. Если нет... тогда пусть остановят.

Майя листала страницы, не спеша, как человек, который знает: в деталях прячется истина. На одной из распечаток её палец замер.

— Вот это, — тихо сказала она, указывая на строчку. — «Списано по журналу, в системе не отражено». И дата — ровно за неделю до смерти пациента. И подпись — Дмитрия Андреевича.

Лидия Петровна кивнула.

— Он говорил, что система виснет. Что лучше записать на бумаге, чтобы не потерять. Но... я тридцать лет работаю. И знаю: если система виснет, мы не делаем вид, что всё нормально. Мы фиксируем сбой. Официально. С отметкой «технический сбой», с вызовом техподдержки. А тут... тут просто аккуратно перенесли реальность на бумагу.

Семёнов хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки — только горькое понимание.

— То есть у нас есть систематическое расхождение, — проговорил он, записывая. — Бумажная фиксация без цифрового следа. И всё это — в период работы одного сотрудника.

— Не просто сотрудника, — поправила Лидия Петровна. — Человека, который пришёл с рекомендацией из клиники, лишившейся лицензии.

Майя подняла глаза. В них не было ни торжества, ни злорадства — только холодная ясность человека, который наконец-то увидел узор там, где раньше были только пятна.

— Спасибо, — тихо сказала она Лидии Петровне. — Это не просто документы. Это смелость. И она нам очень нужна.

Потом она повернулась к Семёнову.

— Нам нужно три вещи, — чётко, по пунктам, как на оперативке, начала она. — Первое: официальный запрос на логи системы за последние полгода. Нам нужно видеть, кто и когда вносил данные, кто блокировал доступ, кто пытался редактировать. Второе: проверка истории поставок и списаний — ищем, куда уходили препараты, которые списывались «на бумаге».

И третье... — она чуть помедлила, — нам нужно поговорить с бывшей клиникой Дмитрия Андреевича. Той самой, что лишилась лицензии. Узнать, за что именно.

Семёнов кивнул, уже доставая телефон.

— Сделаю, — сказал он. — У меня есть контакт в Росздравнадзоре. Не обещаю, что дадут всё сразу, но хотя бы зацепку получим.

В этот момент дверь приоткрылась, и в щель снова заглянул Кирилл Савин. Он выглядел так, будто пытался стать невидимкой, но любопытство и страх тянули его вперёд.

— Можно? — прошептал он. — Я... я тут кое-что нашёл. Не специально. Просто разбирал старые флешки с отчётами... и на одной из них... там есть файл, который не должен был там быть.

Он протянул маленькую чёрную флешку. Майя взяла её, не торопясь, но пальцы чуть дрогнули — не от волнения, а от того самого чувства, когда понимаешь: вот оно. Первая настоящая улика.

— Что на ней? — спокойно спросила она.

— Там... — Кирилл слотнул. — Там таблица. Списки пациентов. Но не обычные. Там есть пометки: «группа А», «группа Б», «не фиксировать». И напротив некоторых фамилий — суммы. Небольшие. Но... они есть.

В кабинете повисла тишина — такая, в которой слышно, как щёлкает замок на папке, которую только что открыли.

— Суммы за что? — тихо, почти шёпотом, спросила Майя.

Кирилл пожал плечами, но глаза у него были ясными — он понимал, что говорит о чём-то очень серьёзном.

— Я не знаю, — честно сказал он. — Но у меня... у меня есть догадка. Что это плата за участие в каком-то тестировании. Или за доступ к данным. Или... я не знаю. Но это не похоже на обычную отчётность.

Лидия Петровна побледнела. Не сильно, но достаточно, чтобы Майя это заметила.

— Вы понимаете, что это значит? — спросила она у старшей медсестры. — Если эти списки реальны, то речь не о случайном сбое. Речь о схеме. И пациент, который умер... он мог быть не случайной жертвой. Он мог быть частью этой схемы.

Лидия Петровна сжала кулаки так, что побелели костяшки. Но голос её остался ровным.

— Тогда мы должны это остановить, — твёрдо сказала она. — Даже если это разрушит всё, что я строила тридцать лет. Потому что спасать жизни — это не только ставить капельницы. Это ещё и не позволять делать из пациентов цифры в таблице.

Майя кивнула. Она не стала обещать, что всё будет хорошо. В её работе таких обещаний не давали. Но она могла пообещать другое.

— Мы проверим, — спокойно сказала она. — Каждую строчку. Каждую пометку. И если это правда — мы найдём тех, кто это организовал. И сделаем так, чтобы они больше никому не могли навредить.

Она вставила флешку в компьютер. Экран моргнул, открылся список файлов. Один из них — «Список_тесты_квартал3» — выделялся среди обычных отчётов. Майя кликнула по нему. Таблица открылась — аккуратная, безликая, с цифрами и пометками, от которых становилось холодно.

Семёнов присвистнул — тихо, чтобы не спугнуть момент.

— Ну вот, — пробормотал он. — Теперь у нас не просто расхождения в журналах. Теперь у нас мотив. И система. И, возможно, даже жертвы.

Майя смотрела на экран, но видела не цифры, а лица: пожилого пациента, который доверял врачам; молодого ординатора, который боялся сказать правду; старшей медсестры, которая не побоялась её принести. И понимала: самое сложное впереди. Но теперь у них были не подозрения. У них были факты.

И этого было достаточно, чтобы начать.

Глава 4. «Цифры, которые кричат»

Компьютер в кабинете Майи Сергеевны тихо гудел, как будто тоже напряжённо думал. На экране — таблица с безликими строками: фамилии, даты, пометки «А», «Б», «не фиксировать», а рядом — суммы. Не миллионы, не пачки купюр. Маленькие, почти стыдливые цифры. Оттого и страшнее: такие суммы платят не за преступление века, а за «небольшое одолжение», за «просто не задавай вопросов».

— Знаешь, что меня бесит в таких таблицах? — тихо сказала Майя, не отрывая взгляда от экрана. — Они делают людей строчками. «Группа А» — значит, можно. «Не фиксировать» — значит, невидимо.

Семёнов наклонился к монитору, щурясь, будто от цифр можно было получить ожог.

— Смотри сюда, — ткнул он пальцем в колонку справа. — Суммы не рандомные. Они кратны одной и той же величине. Как будто по тарифу. «Участие в наблюдении — столько-то», «доступ к анамнезу — столько-то». Это не просто «подкуп на месте». Это прайс-лист.

Майя кивнула. Она не любила поспешных выводов, но тут пазл складывался слишком ровно.

— Значит, схема не про хищение препаратов ради перепродажи, — медленно проговорила она. — Схема про данные и доступ. Пациенты — как сырьё. Кто-то собирает информацию: редкие диагнозы, реакции на препараты, генетические особенности. И продаёт туда, где за это платят.

— Например, фармкомпаниям, — подхватил Семёнов. — Или «серым» лабораториям, которые тестируют препараты в обход всех правил.

— Или и тем, и другим, — добавила Майя. — И тогда наш «идеальный» анестезиолог — не главный злодей, а звено. Хороший организатор, умеет нравиться, умеет убеждать, умеет делать так, чтобы никто не замечал, что реальность двоится: на бумаге одно, в системе другое.

Она открыла отдельный файл — тот самый «Список_тесты_квартал3» — и начала выписывать фамилии пациентов с пометкой «не фиксировать». Рядом ставила даты их операций, имена лечащих врачей, номера историй болезни.

— Нам нужно понять, кто из этих пациентов имел что-то ценное для исследователей, — сказала она. — Редкий диагноз, нестандартную реакцию, уникальный анамнез. И кто имел доступ к этим данным.

Семёнов уже стучал по клавиатуре, запрашивая доступ к архивам больницы.

— Я подниму историю поставок за этот квартал, — бормотал он. — Если препараты списывались «на бумаге», а реально шли куда-то ещё... может, найдём цепочку. И ещё — надо пробить эту клинику, откуда пришёл Дмитрий Андреевич. Лишившаяся лицензии. Там наверняка есть люди, которые захотят поговорить, если поймут, что мы не пытаемся их добить, а ищем организатора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.